

Проводы дочери в армию

Вчера моя дочь, барышня томная, нравная, сочиняющая стихи, музицирующая на гитаре, любящая, наконец, поваляться в постели часиков до двенадцати утра... пошла в армию.

Понимаю, что окончание этой фразы для читателя нашего возраста может показаться диким. Ну, сначала, конечно, она пошла в армию до пятницы – новобранцев, как правило, на первую же субботу отпускают по домам: возможно, показать, что жизнь не кончилась и мамино крыло по-прежнему рядом.

Время нервное: весь наш двенадцатый класс постепенно – по мере персональных дат рождения – подгребают военная машина. Чуть ли не каждый день гудят отвальные – то у Иры, то у Шломо, то у Марка, то у Шимона.

Поздно вечером звонит уже с базы „забритый” утром Шимон и диктует моей дочери: „Значит, так: в палатках холодно, бери всё теплое, что есть в доме, – вязаную шапку, перчатки, свитера!”

Честно говоря, матерью солдата я уже однажды была, лет двенадцать назад, но как выяснилось, многое забыла. Например, то, что новобранцы в израильской армии собираются на службу примерно так, как бравый Портос в романе Дюма экипировался перед военной кампанией во славу короля и Франции. То есть заботы о некоторых деталях экипировки лежат на плечах семьи. И за две недели до призыва мы, высунув языки, скупали по магазинам тёплые мужские кальсоны (да-да, с ширинкой, неважно, декабрьская ночь в палатке слезам не верит), мужские майки с начёсом, тёплые носки, ботинки, наконец.

– Как – ботинки?! Армия не выдаёт ботинок?! – восклицаю я возмущенно.

Нет, армия потом возвращает расходы, но ботинки ребёнку надо выбирать отдельно, подбирать тщательно, по ноге, пробовать, менять, требовать другие, затем топать, прыгать и опять примерять. Мамин глаз надёжнее.

Опять же, простыню и подушку изволь тащить в армию тоже.

– Что-о?! – кричу я. – У Армии обороны Израиля нет денег на подушки для солдат?!

Да есть, конечно, есть... Но пусть-ка этот изнеженный „мами” поспит в холодной палатке, подложив под голову свою армейскую куртку. Такая вот первая трезвящая плюха, как в той песенке из трофейного американского фильма времён Второй мировой, которую всю жизнь напевает другой солдат в семье – мой отец: „Здесь вы в казарме, мистер Грин! Здесь нет подушек и перин! Завтрак в постели и на кухне газ – эти блага теперь не для вас!”...

Накануне призыва и у нас дома гуляли по-человечески: выпили, как взрослые, блевали, как взрослые, уронили на балкон соседней внизу цветочный горшок и три пары разных ключей. Наутро хмурый сосед Давид стучит в дверь и молча протягивает эти ключи моей дочери. В глазах его – осуждение. Та рассыпается в извинениях: это была вечеринка перед призывом, и ребята...

– Ты идешь в армию? – его лицо расплывается в улыбке. – Какие войска?.. Молодец. А я был в морском десанте... Ну, счастливой службы, солдат!

В этом обществе все – солдаты. Даже те, кто не успел послужить по возрасту или по здоровью. Все солдаты – мамы, папы, бабушки и дедушки, братья, сёстры. По пятницам вся страна ожидает своих солдат на побывку, все автобусы приобретают изнутри густо зелёный, бежевый, серый колер военной формы разных родов войск. Никто не жалуется, что в тесноте его пихнули дулом винтовки.

Вчера утром, в день призыва, мы отвезли свою нежную девочку на сборный пункт. А там – зрелище посильнее, чем „Фауст” Гёте, причём значительно сильнее: целый цветник рыжих, тёмно-волосых, каштановых кудрей... День призыва такой – девчачий. А вокруг, у двух автобусов, сопровождающие – их сверстники с винтовками. И уже стреляют глазами направо-налево представители обоих полов.

– Господи! – бормочет мой муж. – Что за жизнь фронтовая...

Да, жизнь такая, что множество молодых пар в этой стране изначально – боевые товарищи.

Дают команду – по автобусам. Заплаканные мамы кричат последние указания – не забывай заряжать мобильник! Надень на ночь две пары кальсон!!!

Ребята с автоматами влезают последними в обе двери, автобусы разворачиваются и выезжают со двора на шоссе. Мы же плетёмся к своей машине и сразу – рука сама тянется – включаем радио. Новости наших будней: из густонаселённых кварталов арабского Хан-Юниса палестинские боевики продолжают обстрелы еврейского района Гуш-Катиф. Ответный огонь открыл наш батальон бригады „Голани”.

– Ты не помнишь, – спрашивает меня муж, – она взяла синий свитер?

Ружьё для Евы

А всё-таки лучше бы глазками стреляли.

Кончена жизнь – в моём доме появилось ружьё. Не в том смысле, что оно должно непременно выстрелить в четвёртом акте, а в том смысле, что покоя от него нет, как от недельного младенца.

Ружье выдано солдату Армии обороны Израиля, а именно моей дочери Еве в порядке прохождения курса молодого бойца. Она звонит нам с базы, захлебываясь от восторга и гордости:

– Ма, я классно стреляю! Меня командир похвалил! Я знаешь, сколько выбиваю!

Вообще-то странным образом, но у нас в семье все неплохие стрелки. А сын так вообще был лучшим ночным стрелком в роте. Так что я не особо удивляюсь.

– Нас учили сегодня разбирать и собирать ружьё, и я классно это делаю!

И вот это самое ружьё (между прочим, хорошеньких несколько кило) должно находиться при солдате днём, ночью, в ванной, в туалете – куда бы солдат ни подался. Если он в форме. Устав такой.

Мы, предки то есть, – безнадёжные лапти – всё время обнаруживаем своё невежество и отсталость. Вот на автобусной станции в Иерусалиме мы встречаем её, отпущенную в увольнительную на субботу. Вот она появляется с огромным солдатским баулом на плече и с немалым рюкзаком за плечами. Ружьё тоже на плече, и этих хрупких плеч явно не хватает для всего багажа, где бы ещё взять парочку?

– Дай поддержку, – я протягиваю к ружью руку. В ответ – округлившиеся от возмущения глаза:

– Ты с ума сошла?!

Вообще-то, что мы с отцом сошли с ума, мы узнаем теперь с перерывом в несколько минут. Например, вечером в субботу она собралась встретиться с друзьями в баре в Иерусалиме.

– Господи, неужели я сниму, наконец, эту зелёную робу и надену человеческую юбку! Но куда спрятать ружьё?

– Пусть лежит себе в шкафу, – неосторожно предлагаю я.

– Ты с ума сошла?! А если в дом ворвутся враги?!

– Ну, запри в комнате, а ключ проглоти, – советует отец.

– Папа!!! Ты с ума сошёл?! Дверь в комнату выбивается ударом ноги!

Отец вздыхает и замечает, что его служба в Перми среди снегов и морозов в казарме на 200 человек была гораздо проще...

Наконец за Евой заезжает прямо со своей военной базы её друг Шнеур, или попросту Шнурик, и наш дом благословляется ещё одним ружьем. Сейчас мы уже можем держать против врагов круговую оборону. Сначала оба ответственных стойких солдата, сидя на ковре, осматривают свои ружья (идиллия по-израильски), потом бродят по квартире, раскрывают шкафы и кладовки, придумывают тайники, пытаются просчитать логику врага. Ура, выход найден! Оба ружья-близнеца укладываются на бочок на дно ящика Евиного дивана, заваливаются одеялами и подушками, дверь в комнату запирается на ключ, который прячется в тайнике в кладовке.

И вот уже два радостных штатских обалдуя выскакивают из дому, чтобы успеть на автобус... Через час я слышу в кладовке копошение. Это муж что-то ищет.

– Куда они запропастили ключ от её комнаты, не знаешь? Я забыл там фломастеры, а мне до завтра...

– Ты с ума сошёл?! – кричу я.

Последним автобусом ребята возвращаются из Иерусалима. Из своей комнаты мы слышим, как закипает на кухне чайник...

Потом долго разыскивается тот самый ключ в кладовке, при этом роняется с полок всё, что спокойно стояло там месяцами... Наконец, каждый укладывается, потому что подниматься завтра в половине пятого и тремя автобусами добираться до базы – на другой конец страны, вернее, каждому – в свой конец своей небольшой страны, ибо курс молодого бойца они проходят на разных базах.

Утром гром будильника поднимает меня, отца, нашу собаку, соседей в квартирах под и над нашей.

И только два солдата, два защитника родины спят по своим углам в обнимку со своими ружьями – сладко, надёжно, беспробудно... Как дети.

Присяга

Воинская присяга в Армии обороны Израиля – дело серьёзное, торжественное и даже волнующее. Но... всё-таки и эта церемония, как почти все церемонии в стране, напоминает выезд на пикник большого шумного семейства. На присягу любимого отпрыска едут родители, братья-сёстры, бабушки-дедушки с домашними животными, а также соседи-друзья с рукописными плакатами – как болельщики на спортивные состязания.

С утра огромный пустырь перед военной базой начинает заполняться машинами разных марок, а на обочине вдоль огромного плаца солдатики выставляют для родных ряды пластиковых стульев.

Мы приехали едва ли не первыми и сразу заняли места в нужном ряду – повезло! – уже через час публика рассаживается на земле, сидит на корточках, с любопытством бродит с фотоаппаратами и видеокамерами по той части плаца, куда их пускают, потому что поодаль на столах выложены ружья и высокими стопками лежат Пятикнижия в синих тиснённых обложках. И вот туда-то подходить нельзя – столы охраняют девушки в форме...

– Боже, – замечает мой муж меланхолично, – посмотри на этих бравых солдат: как они воют с этими попами, с этими цицами?!

Он вообще настроен критически и, кажется, продолжает оставаться патриотом Советской армии времён его службы в Перми, какие бы тяжёлые воспоминания та ни оставила.

А девочки действительно как на подбор, „у теле"... Как говорила моя бабушка, „нивроку, маешь вешч”...

Туда-сюда по плацу бегают лохматая рыжая собака. Наверняка кто-то привёз с собой и сейчас не может удержать на месте...

Между тем напряжение возрастает, солдатская родня в возбуждении привстаёт и даже привскакивает с мест; наконец со стороны далёких, едва видимых отсюда армейских палаток раздаётся слаженный гул команд и топот ног: на плац повзводно выводят подразделения.

Наглая рыжая собака по-прежнему свободно бегает по плацу, сопровождая каждый вновь появившийся взвод. Да что ж это, в самом деле, почему хозяева не отзовут её, и как армейское командование позволяет псу болтаться под ногами марширующих солдат?!

– Это разве строевой шаг! – замечает мой муж. – Вот у нас был настоящий прусский строевой шаг!

Мне хочется попросить его заткнуться, но, увы, не могу не согласиться: советские солдаты на парадах шагали как-то... чётче! Отрезанней! Их, выходит, гоняли тщательнее?! Недоработочка наша!

А уже там и тут вспыхивают радостные вопли мам и бабушек: кто-то уже узнал своего... свою... Какие же все они одинаковые!

– Ты её видишь? – тревожно спрашивает меня муж с мечущимся по плацу взглядом...

Я ни черта не вижу! В беретах, в форме – все девочки похожи одна на другую. Сердце колотится, как будто всех их сейчас погрузят на грузовики и отошлют на фронт...

Но вот все выстроились – все четыре подразделения. С огромным трудом отыскиваем свою – с бледным серьёзным лицом, вторую справа в третьем ряду в первом подразделении. У всех очень бледные и очень суровые лица.

Наконец играют гимн и – по команде – солдаты с победными криками подбрасывают в воздух береты... Этим заканчивается церемония присяги, и мгновенно толпа штатских с воплями и объятиями смешивается с „зеленью”.

Вот тут и начинается настоящий пикник. Мамаши и бабушки торопливо разверзают необъятные сумки со „вкусненьким” и „домашненьким”...

Мы в панике бросаемся на поиски своей и с трудом её отыскиваем – незнакомую, с собранными по уставу на затылке волосами.

Она стоит в окружении солдат и треплет по загривку рыжего пса!

– Что это за пёс, в конце концов?! – кричу я. – Где хозяева?! Оштрафовать, к едрене фене!

– Мы – хозяева... – улыбаясь, отвечают солдатики. – Он здешний... всех знает, всех встречает-провожает... Это наш солдатский пёс...

...Вот такая у нас была торжественная воинская присяга...

Картошка для мундира

Дочка голодает в израильской армии.

Каждую пятницу, ближе к полудню, у меня дома раздаётся звонок. Я снимаю трубку и слышу страстный голос дочери: „Ставь жарить картошку, я уже в Иерусалиме!!!”.

Я хватаю самую большую сковороду, раскаляю масло и вываливаю на неё целую миску чищенной с утра и нарезанной картошки.

Когда в первую свою побывку из армии она позвонила с воплем: „Го-о-оло-о-одна-ая-я-я как со-ба-а-ака-а!!!” – отец философски мне сказал: „А что ты думала? В любой армии всегда голодно... У нас в Перми, помню, плеснут тебе щей в миску, а там три синих плёночки плавают вместо мяса...”.

Ну, вваливается ребёнок и, едва сполоснув руки, набрасывается на картошку...

– Что ж ты голую картошку-то... – пытаюсь я сердобольно встрять, представляя, как же оголодала девочка, если ей одной лишь картошки довольно... – Вот, возьми баклажаны.

Она с полным ртом:

– Какие баклажаны?! Я их уже видеть не могу! У нас каждый день пять видов закусок с баклажанами...

– Ну, рыбку возьми...

Она вытаращивает глаза:

– У меня рыба уже из ушей лезет! То тунец, то форель, то карп, то копчёная, то солёная...

Я несколько оторопела.

– А курицу будешь?

– Мам, ну, сколько можно эту курицу есть! Каждый день курица?!

– Минутку, ты сказала, что голодная... Я поняла, что вас плохо кормят.

– Ужасно! Ужасно кормят!

Тут я взялась за допрос серьёзно.

– Так. Давай с самого начала. Молоко дают?

Она удивилась:

– Молоко? А зачем? Оно на столах стоит, конечно, но только для кофе. Зачем его пить? Есть же йогурты, творог разный, кефир, ряженка, то-сё...

– А именно что – то-сё?

– Ну, сыры там всякие, какие-то каши дурацкие... Салаты... Яйца... омлеты в основном. Глазунью сделать как следует не умеют. Я говорю: „Дуду, не жаривай слишком, я так не люблю!”. А он, как назло, жаривает и жаривает! Когда с луком, так ещё ничего, а когда с грибами – тут он вообще не умеет...

– Понятно... – ледяным тоном сказала я. – А выпечка?

– А что выпечка? Кому нужны эти круассаны и пироги – килограммы набирать? Это вообще еда нездоровая. И гарниры все эти... Я вместо них просто овощи и фрукты ем.

– Знаешь что, – сказал мне отец. – Гони ты отсюда в три шеи эту зажавшуюся буржуйку! Дай сюда её картошку, я доем!

– Не-е-ет! – заорала дочь, обнимая тарелку. – Картошечка моя любимая, такую только мама готовит!

...Помню, в самом нашем начале здешнем, лет пятнадцать назад, когда мы только обосновались на съёмной квартире, когда я железно знала, что могу потратить на продукты в супермаркете только двадцать шекелей в день и ни копейкой больше, к нам в гости приехал из Тверии (не из Твери) мой старый друг. К тому времени он жил в Израиле уже год и даже успел прослужить полгода в армии. И вот тогда он с возмущением рассказывал нам о здешних армейских „порядочках”.

– Ужас! – говорил он, – нет сил смотреть, душа болит: то, что не съедается за завтраком, выбрасывается мгновенно. Не дай бог выставить банку йогурта в обед – накажут самым жёстким образом. И главное – запечатанные, далеко не просроченные йогурты – всё сметается в помойный бак!

Мы ахали, качали головами, приговаривали: „Как же так, почему бы не раздать ниимущим?! Какое попустительство, какое разбазаривание добра!”. И нам казалось, что только бывшесоветский разум может навести в этой стране надлежащий порядок. А без нас пропадут, захлянут, выкинут, разбазарят...

– Как тебе не стыдно, – говорю я дочери. – Помнишь, на Малой Полянке нас остановил солдатик, попросил пять рублей, у него в авоське болтались булка и баночка кефира? Вот ему бы выпечку, которую ты не съедаешь! Или йогурты, которые вы сметаете в помойный бак.

– Мама! – строго отвечает она. – Ты с ума сошла? Это запрещено! В армии продукты должны быть наисвежайшими! У нас и так проблем выше макушки. Ещё не хватает, чтоб от тухлятины на марше весь полк обосрался!

Мне нечего ей ответить.

– Но почему именно картошка? – только спрашиваю я.

– А это у кого что мамино любимое... Ирка по пельменям тоскует, Юдит ждёт субботы из-за „пэсто"... Кто чего, словом...

И я лишь плечами пожимаю. Но с утра в пятницу первым делом становлюсь в свой кухонный наряд. Сковорода наготове.

Жду: вот-вот зазвонит телефон, и голос дочери пропоет нетерпеливо:

– Еду-еду! Кар-то-о-ошечку-у-у!!!

Дина РУБИНА.